

Ольга Шиллинг
Евгения Близкая

**ШЕЙХ,
НА МОЁМ КОРАБЛЕ
КОМАНДУЮ Я**

Евгения Близкая

**Шейх, на моём
корабле командую я**

«Автор»

«Автор»

2026

Близкая Е.

Шейх, на моём корабле команду я / Е. Близкая — «Автор»,
«Автор», 2026

Она — капитан, привыкшая командовать. Он — шейх, привыкший повелевать. Спасая его тонущую яхту в шторме, Виктория не ожидала, что окажется в водовороте дворцовых интриг, предательства и смертельной опасности. Тарик аль-Мансур предлагает ей всё, но гордая капитан не продаётся. Однако чем сильнее она сопротивляется, тем неотвратимее притяжение. Смогут ли две стихии — море и власть — укротить друг друга и обрести любовь?

© Близкая Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Шиллинг

Шейх, на моём корабле командую я

Шейх, на моём корабле командую я

Ольга Шиллинг

Евгения Близкая

Глава 1

Волна ударила в бронированные стекла мостика; я удержала штурвал, пока соленая вода заливала мир серой, воющей пеленой. Мое научно-исследовательское судно, «Атлантис», жалобно скрипело каждой переборкой, проваливаясь в черные ложбины волн и с надрывным воем двигателей взбираясь на новые водяные горы. Я стояла у штурвала, до побеления в костяшках пальцев вцепившись в холодный металл. На губах была соль; при очередном ударе я прикусила щеку и ощутила вкус крови. Очередной удар стихии сотряс палубу так, что незакрепленная кружка с кофе слетела со стола штурмана, разлетевшись вдребезги. — Капитан Морозова! Виктория Викторовна! — голос старпома Махмуда аль-Халаби едва пробивался сквозь рев бури, даже по внутренней связи. — Приняли сигнал бедствия, цель вижу на радаре! Три мили по левому борту. Это гражданская мега-яхта «Аль-Мираж», они потеряли ход и управление, их несет на рифы! Я бросила взгляд на мерцающий зеленый экран. Крошечная точка пульсировала прямо по курсу гигантского водяного вала. — Уровень топлива в расходных баках, Махмуд? — рявкнула я в микрофон, не отрывая взгляда от набегающей волны. — Критический! — голос старпома дрогнул от напряжения. — Если ляжем на циркуляцию и пойдем на перехват, сожжем последний аварийный резерв. Нам самим едва хватит солярки дотянуть до берега, судно изношено, мы не выдержим буксировку в такой шторм! Каждая клетка моего тела, каждый инстинкт самосохранения кричал: «Иди своим курсом». Мой институт океанологии был на грани банкротства, корабль держался на честном слове и заплатах, а топливо стоило дороже золота. Но я была дочерью капитана Виктора Андреевича Морозова. Морской закон взаимовыручки, вбитый отцом с детства, не имел срока годности и цены. — Лево руля! — мой голос хлестнул по мостику, как удар бича. Я повернула штурвал до упора и удержала его, упершись ногами в палубу. — Машинное, выжать всё, что есть в двигателях! Мы идем спасать людей.

Двигатели взревели на пределе своих скромных возможностей. Судно накренилось; волна заслонила окна мостика до самой верхней кромки. Мы легли на гибельный, но единственно верный курс, подставляя борт ударам стихии. Сквозь водяную пыль я увидела её. Белоснежная мега-яхта «Аль-Мираж», игрушка для миллиардеров, сейчас беспомощно болталась в пене, как сломанная щепка. Её кренило, волны перекатывались через роскошные палубы. — Готовьте швартовы и пневмолинемёты! — скомандовала я, выводя «Атлантис» на сближение. Я должна была подойти борт о борт, чтобы мои матросы смогли перебросить тросы. Но в этот момент океан вздыбился. Девятиметровая волна-убийца выросла прямо по курсу яхты, готовясь швырнуть её прямо на наш стальной борт. Нас бы размазало друг о друга в кровавую кашу. Я следила за гребнем: сейчас яхту подбросит, а затем потянет в провал между волнами. До удара оставались секунды. — Машинное! Полный реверс! Сейчас! — заорала я в рацию. Винты взбили воду в обратную сторону. Судно содрогнулось, гася ход. Пока яхту бросало вниз с гребня, мы отстали от неё; вода с грохотом обрушилась в освободившийся промежуток. На следующем подъеме я удержала «Атлантис» параллельно её борту, оставив место для качки. — Линеметы, огонь! — скомандовала я. Матросы передали на яхту проводники, завели буксирный трос. В короткие промежутки между ударами волн людей по одному переводили к нам через спущенный забортный трап; Махмуд считал поднимавшихся. Когда он доложил, что все люди с яхты на борту, я приказала убирать трап.

Спустя пятнадцать минут ада на палубе, тяжелая стальная дверь мостика с лязгом распахнулась. Ветер ворвался внутрь, принеся с собой запах водорослей и дорогого парфюма. На мостик шагнул мужчина. Он был промокшим до нитки, его черные волосы облепили высокий лоб, но от него исходила такая аура первобытной, подавляющей власти, что воздух в тесном помещении мгновенно стал тяжелым. Его глаза, черные как сама буря, горели ледяным огнем.

За ним маячили двое телохранителей, но он отстранил их властным жестом. — Немедленно разверните судно к ближайшему берегу, — его голос был низким, глубоким и не терпел возражений. Так хозяин распоряжался слугами — на моём мостике. Я медленно повернулась к нему, не отпуская штурвал. — Добро пожаловать на борт «Атлантида», — процедила я сквозь зубы. — Но на этом мостике приказы отдаю только я. Мы идем в центральный порт по моему курсу. Он сузил глаза. Его челюсть напряглась. Мужчина, привыкший к абсолютному подчинению, не потерпел дерзости. Он сделал два быстрых, хищных шага ко мне, протягивая руку, чтобы физически перехватить у меня управление штурвалом. Мои инстинкты сработали быстрее разума. Моя рука метнулась к поясу раньше, чем он дотянулся до штурвала. Резкий треск — и я всадила электрошокер прямо в мышцу его плеча, на долю секунды нажав кнопку. Мужчина глухо рыкнул. Его рука отдернулась, мышцы под мокрой рубашкой окаменели. Он замер в десяти сантиметрах от меня. Я смотрела прямо в его черные глаза, ожидая удара, готовая драться за свой корабль. Я держала шокер наготове. Он посмотрел на него, затем на меня. Его ярость, вспыхнувшая было адским пламенем, внезапно трансформировалась во что-то другое. В его взгляде мелькнуло темное, обжигающее восхищение. Он оглядел штурвал в моих руках и отступил: место у штурвала оставалось за мной. Медленно, не разрывая зрительного контакта, он поднял руки в примирительном жесте. — Как скажете, капитан, — тихо, почти бархатно произнес он.

Буря начала стихать только к рассвету. Океан превратился в тяжелую свинцовую равнину. Мы ползли на последних парах дизеля, таща за собой поврежденную яхту. Мужчина, которого я ударила током, стоял у панорамного окна, облокотившись на панель приборов. Он уже успел переодеться во что-то сухое из запасов старпома, но даже в простой робе выглядел как король. — Назовите цену, — внезапно сказал он, глядя на горизонт. — За мое спасение и за молчание вашей команды о том, что моя яхта потерпела бедствие. Любая сумма. Скажите цифру, и она будет на вашем счету через минуту. Я почувствовала, как внутри закипает гнев. Он думал, что всё в этом мире продается. — Институт выставит вам расходы за буксировку и спасательные работы, — ледяным тоном ответила я, глядя в радар. — Мне не нужны ваши подачки и плата за молчание. Я спасаю людей, потому что я моряк, а не наемник. Оставьте свои чековые книжки для тех, кого можно купить. Он медленно повернул голову. В его взгляде читался неподдельный шок. Казалось, он впервые в жизни встретил человека, который отверг его золото. Но наш разговор прервал хрип радиации. — «Атлантида», это диспетчерская центрального порта. В заходе отказано. Я схватила микрофон: — Диспетчер, у меня на буксире аварийное судно, а в баках сухо! Требую экстренной швартовки! — Отказано, «Атлантида». На ваше судно наложен арест по требованию кредиторов института. Вам запрещено входить во внутреннюю акваторию порта. Ложитесь в дрейф на рейде до прибытия инспекции. Рация сухо щелкнула и замолкла. Я медленно опустила микрофон. Без топлива мы не могли маневрировать. Мы превратились в неподвижную стальную мишень посреди океана.

Тишину на мостике разорвал пронзительный вой аварийной сирены. На панели управления замигал красный индикатор нижних отсеков. — Трюм! — крикнул побледневший Махмуд. — Обшивка не выдержала шторма, у нас пробойна ниже ватерлинии! Вода поступает в четвертый отсек! — Запустить насосы! — я бросилась к выходу с мостика, на ходу срывая со стены тяжелый аварийный ящик с инструментами. — Всем оставаться на местах, держать связь! Я сбегала по крутым металлическим трапам в чрево корабля. В четвертом отсеке царил крошечный ад. Ледяная вода с ревом хлестала сквозь рваную рану в стальной обшивке, заливая пол. Уровень уже достигал колен. Я бросилась к пробойне, пытаясь прижать к ней аварийный щит с резиновой прокладкой, но струя воды была слишком мощной. Она сбивала с ног, ледяной холод сводил мышцы. — Давай же! — рычала я, пытаясь подвести тяжелый гидравлический домкрат. В этот момент судно качнулось на остаточной волне. Тяжелый металлический ящик со спецоборудованием, весящий не меньше ста килограммов, сорвался с верхнего крепления.

Он рухнул прямо в воду, намертво придавив мою правую ногу к рифленой палубе. Вскрикнув от острой боли, я попыталась вырваться, но металл держал мертво. Вода прибывала с пугающей скоростью, поднимаясь к талии. — Махмуд! На помощь! Четвертый отсек! — закричала я в портативную рацию, висящую на плече. В ответ раздалось лишь шипение статики. Рация промокла. Я осталась одна в затапливаемом трюме, прикованная ко дну. Паника ледяными когтями сжала горло.

Глава 2

Внезапно тяжелый переборочный люк с лязгом откинулся. В проеме показался силуэт. Это был он. Спасенный с яхты. Он сбросил сухую куртку и, не раздумывая ни секунды, прыгнул прямо в бурлящую, ледяную воду трюма. Миллиардер, который несколько минут назад предлагал мне любые деньги мира, сейчас пробирался ко мне по грудь в грязной морской воде, расталкивая плавающий мусор. — Держись! — крикнул он. Он нырнул под воду, нащупывая ящик. Его мышцы напряглись до предела. Лицо исказилось от нечеловеческого усилия. С утробным рыком он приподнял край ящика, уперся плечом в переборку и перевалил его в сторону. Я выдернула ногу, а металл с грохотом снова ушел под воду. Моя нога была свободна. Я с трудом удержалась на ногах, опираясь о переборку. Икра кровоточила, боль простреливала до бедра. Я ждала, что он начнет отдавать приказы или отчитывать меня за неосторожность. Но он подхватил меня под руки и помог добраться до ступеней трапа, выступавших над водой. Здесь одним движением разорвал рубашку на длинные полосы. Опустился рядом на колено и бережно, почти нежно перевязал мою рану, туго затягивая повязку. Его горячие пальцы коснулись моей ледяной кожи. Этот контраст — пробирающий до костей холод воды и обжигающий жар его рук — выбил у меня почву из-под ног вернее, чем шторм. В этом хаосе, посреди тонущего отсека, между нами проскочила такая мощная искра первобытного притяжения, что я забыла, как дышать. Он поднял глаза, его взгляд пересекся с моим. Он разглядывал мое лицо, дожидаясь, пока я кивну, что могу стоять. От этой сосредоточенной заботы горло сжалось. — Где щит? — коротко спросил он, поднимаясь. Мы работали молча. Насосы захлебывались, не справляясь с потоком. Мой спаситель встал к ручной помпе. Он качал воду рядом со мной, его мышцы блестели от пота и морской соли, пока я распирала аварийный щит домкратом и затягивала крепления. Мы действовали как единый, идеально слаженный механизм, понимая друг друга с полувзгляда. Течь была остановлена. Я без сил привалилась к стене, тяжело дыша. И в этот момент свет погас. Из-за пустого топливного бака заглохли генераторы. Судно погрузилось в кромешный мрак и тишину. Я почувствовала, как его рука нашла мою в темноте, крепко сжав пальцы. Сквозь мутный иллюминатор ударили яркие лучи. Портовые буксиры, которые он тайно вызвал по своему спутниковому телефону, брали нас на тросы. Они тянули нас к причалу.

Едва «Атлантис» коснулся бортом портовой стенки, на палубу запрыгнули люди в строгих костюмах. Инспекция кредиторов. Я, мокрая, хромающая, но кипящая от ярости, вышла им навстречу. — Капитан, ваше судно и все активы института официально арестованы, — надменно заявил старший инспектор, размахивая постановлением. — Вы обязаны покинуть борт. — Пошли вон с моего корабля! — прорычала я, выхватывая у него бумагу. — Покажите основание для выдворения экипажа! Приказ кредитора — ещё не судебное решение! Это моя территория! Инспектор усмехнулся и достал спутниковый телефон: — Ваши инвесторы на линии. Думаю, они объяснят вам вашу неправоту. Я взяла трубку. Холодный голос председателя совета директоров института разрезал последние надежды: финансирование полностью прекращено, долги превысили стоимость активов, они умывают руки. Я включила громкую связь и опустила телефон. Команда, столпившаяся на палубе, слышала каждое слово. Люди были измотаны штормом и страхом. — Капитан, мы не получали жалованья два месяца! — крикнул моторист Рашид, бросая промасленную ветошь под ноги. — Мы уходим. Судно арестовано, нам здесь больше нечего делать. Мое сердце сжалось. Я теряла свой экипаж. Я теряла корабль — дело всей жизни моего погибшего отца. Инспектор подал знак, и на палубу поднялся десяток вооруженных офицеров портовой полиции с дубинками наготове. — Выдворить её с борта, — бросил инспектор. Я не отступила ни на шаг. Я схватила тяжелую стальную монтировку, оставленную кем-то у лебедки, и встала у трапа. Мои руки дрожали от усталости, но

я была готова драться за «Атлантис» до последнего вдоха. Полицейские двинулись на меня. — Стоять. Голос был негромким, но он ударил по палубе как раскат грома. Из тени надстройки шагнул спасенный нами мужчина. На нем была накинута чья-то чужая, поношенная штормовка, но это не скрывало его истинной сути. Он медленно снял темные очки, которые надел от утреннего солнца, и посмотрел на инспектора ледяным взглядом, от которого кровь стыла в жилах. — Я — шейх Тарик ибн Халид аль-Мансур, эмир этой земли, — произнес он с уничтожающей властью. — Десять минут назад по моему прямому распоряжению министерство финансов перевело триста миллионов долларов, закрыв все долговые обязательства этого института и обеспечив его неприкосновенным исследовательским фондом. Оснований взыскивать это судно больше нет. Пошли вон. Офицеры полиции, узнав в лицо правящего эмира Тарика аль-Мансура, в животном ужасе побросали дубинки и рухнули на колени прямо на грязную палубу. Инспектор побледнел как полотно и попятился к выходу, бормоча сбивчивые извинения. Монтировка опустилась; я стиснула её обеими руками, чтобы удержать. Мужчина, которого я ударила шокером, с которым я по пояс в ледяной воде закрепляла аварийный щит в трюме... был правящим монархом Эль-Кадира, шейхом Тариком. Охрана эмира, наконец-то прорвавшаяся на причал, оцепила судно. Эмир Тарик повернулся ко мне. В его позе читалась надменная уверенность победителя. Он протянул мне руку и задержал её в воздухе. Видимо, ждал благодарности — и того, что я приму его условия. Но я чувствовала лишь удушливый гнев. — Вы думаете, что купили меня? — мой голос задрожал от ярости. Я подошла к нему вплотную, игнорируя дернувшихся телохранителей. — Думаете, что я стану вашим трофеем в золотой клетке за эти ваши триста миллионов?! Я не продаюсь! Моя наука и мой корабль не продаются! Его глаза расширились. Моя наглость, мой отказ пасть ниц перед его могуществом заворожили его. Он смотрел на меня так, словно я была самым редким явлением природы, которое он когда-либо видел. Его губы тронула легкая, опасная полуулыбка. Он сменил стратегию прямо на ходу. — Я не покупаю вас, капитан Морозова, — тихо, но твердо ответил он. — Я предлагаю партнерство. Королевская стоянка, лучшее оборудование, неограниченный бюджет. Взамен вы продолжите свои исследования в водах моего эмирата, работая на нужды моей короны. Вы сохраните корабль. Вы сохраните команду. Выбор за вами. Я смотрела в его глаза, понимая, что это единственный шанс спасти дело отца. И, возможно, единственный шанс узнать, что скрывается за этой стальной броней монарха.

За следующие два часа механики приняли топливо, врач обработал мою ногу и подтвердил: кость цела, ходить можно, хотя синяк обещал быть знатным. Аварийную яхту оставили у ремонтного причала. Затем буксиры тянули «Атлантис» по кристально чистым водам к элитной, закрытой акватории королевского яхт-клуба. У входа в канал нас перехватил катер. Холерный капитан королевской марины Хамад аль-Джабри, в ослепительно белой форме с золотым шитьем, перегородил нам путь. — Судно «Атлантис», немедленно остановите машины! — взвизгнула рация голосом аль-Джабри. — Этому ржавому корыту не место среди королевских яхт, даже с приказом сверху! Ждите лоцмана! Я стиснула зубы. Дворцовая бюрократия пыталась указать мне мое место. — Пошел к черту, — прошептала я, отключая рацию. — Буксирам держать нос. Машинное, малый ход вперед! — скомандовала я в рупор. Фарватер был невероятно узким. С берега доносились крики лоцмана, который демонстративно отказался подняться на борт, показывая рукой на тесный проход между стоящими рядами многомиллионными мега-яхтами. Я взяла штурвал. Ветер дул в левый борт. Я рассчитала угол сноса до градуса, чувствуя корабль как продолжение собственного тела. «Атлантис» грациозно скользнул в канал, пройдя в считанных метрах от белоснежных бортов чужих яхт, и идеально мягко коснулся кранцами причальной стенки. Капитан порта аль-Джабри на своем катере замахал руками, но мы уже закрепляли концы у причала. На роскошном пирсе из белого мрамора меня уже ждал личный кортеж эмира. Я спустилась по трапу. Эмир Тарик вышел мне навстречу. Он переоделся в строгий европейский костюм, который подчеркивал его статус. За его спиной

стояла свита высокопоставленных министров с папками документов. — Вы на моей территории, капитан, — властно заявил он, глядя на меня сверху вниз. — Отныне вы будете работать здесь, под моей защитой и моей властью. Я выпрямила спину и встретила его взгляд, гордо вскинув подбородок. — Я требую абсолютных гарантий автономии для моих исследований, — мой голос разнесся над причалом. — Никто не смеет диктовать мне, как работать, кого нанимать и какие глубины изучать. Я капитан, а не дворцовая прислуга. Министры за его спиной возмущенно зашипели. Один из них, тучный чиновник с сальным, лоснящимся лицом и тяжелым взглядом — министр портовой инфраструктуры шейх Джамиль аль-Аттас, — шагнул вперед, протягивая мне тяжелую стопку жестких контрактов. — Вы подпишете эти обязательства, женщина, — процедил министр аль-Аттас. — Они регламентируют каждый ваш шаг... Система пыталась раздавить мою независимость юридическими тисками. Но эмир Тарик не дал ему договорить. Он медленно поднял руку, не отрывая от меня обжигающего взгляда. Министр моментально замолчал. — Никаких бумаг, — произнес эмир. Он сделал шаг ко мне. — Я даю вам свое королевское слово, капитан. Ваша автономия абсолютна. Моя клятва крепче любой печати в этом государстве. Это был беспрецедентный шаг. Абсолютное, устное доверие монарха, ломающее все правила протокола. — Ваше Высочество, это невозможно! — попытался возразить министр аль-Аттас. Эмир медленно повернул голову. Одного ледяного, уничижающего взгляда его черных глаз хватило, чтобы министр побледнел и отступил. — Пошли вон, — жестко бросил эмир своей свите. — Все. Министры спешно ретировались к машинам. Он продемонстрировал свою подавляющую власть над окружением ради того, чтобы защитить мою свободу. За моей спиной матросы закрепляли швартовы спасенного корабля. Ради него я и стояла здесь. Я сделала шаг к нему и протянула руку, как равному партнеру. Он сжал мою ладонь своей сильной, теплой рукой. Обжигающий жар от прикосновения пробежал по венам, отдаваясь тяжелой пульсацией в висках и напоминая о том, как он касался меня в темном трюме. Сделка была заключена. Я оставалась в его водах. Впереди была работа, которой я посвятила жизнь, и океан, который больше никто не смел у меня отнять.

Глава 3

На следующее утро я спустилась к трапу «Атлантика» и увидела глухую стену, отрезавшую мне путь в город. Десяток рослых гвардейцев в черной штормовой форме с автоматами наперевес замерли на сверкающем бетоне королевского пирса, словно каменные изваяния. Я держала под мышкой кожаный планшет с судовыми документами, собираясь ехать в портовую префектуру за оформлением таможенных деклараций, но офицер охраны с непроницаемым лицом шагнул вперед, преграждая мне дорогу. — Доброе утро, капитан Морозова, — его тон был вежливым, но жестким, как оружейная сталь. — Распоряжение Его Высочества эмира Тарика. В целях вашей безопасности покидать охраняемую территорию королевской марины запрещено. Воздух вокруг внезапно стал удушливым. Золотая клетка захлопнулась быстрее, чем я успела сделать глоток свободы. Я спасла судно от ареста и кредиторов только для того, чтобы стать почетной пленницей властного шейха? — Безопасность? — мой голос зазвенел от сдерживаемой ярости. Я сделала шаг вплотную к офицеру, презрительно проигнорировав поднятые стволы карабинов. — Я не подписывала согласия на домашний арест. Уйдите с дороги. — Приказ эмира обсуждению не подлежит. Ледяное бешенство обожгло вены. Я вырвала судно из океанских штормов ради исследований, ради наследия отца — и собиралась сама решать, куда идти дальше. Я резко крутанулась на каблуках в сторону мостика. — Махмуд! — мой рык разнесся по всей акватории марины. Старпом аль-Халаби моментально высунулся из ходовой рубки. — Рубить швартовы! Заводи главные двигатели! Мы отходим немедленно! Если этот порт — тюрьма, я вывожу «Атлантика» в нейтральные воды! Офицер охраны побледнел, посмотрел на матросов у швартовов и отдал резкую команду в рацию. В тот же момент взревели мощные моторы. С двух сторон из-за ангаров вылетели тяжелые черные броневики гвардии. С визгом покрышек они влетели на пирс и намертво заблокировали наши сходни и швартовые тумбы своими бронированными корпусами. Матросы с тросами отскочили в сторону. Судно было зажато в тиски. Ситуация накалилась до точки кипения. Я стояла на трапе, сверху вниз глядя на вооруженных людей, готовая приказать отдать оставшиеся концы и развести сходни, едва матросы отойдут от машин. Начальник охраны, глядя на мое побелевшее от бешенства лицо и понимая, что я скорее спалю этот корабль дотла, чем сдамся, вытер пот со лба. Дрожжащими пальцами он достал правительственный коммуникатор с закрытым каналом связи и набрал личный номер эмира. Он что-то быстро и тихо сказал в трубку, после чего, сглотнув, протянул коммуникатор мне. Я выхватила тяжелый телефон. — Вы обещали партнерство, а не тюрьму, шейх Тарик! — бросила я в трубку вместо приветствия, не заботясь о том, что это прямое оскорбление монарха на глазах его подчиненных. — Немедленно уберите своих цепных псов, или я разорву нашу сделку прямо сейчас! Я ждала, что на меня обрушится царственный гнев. Что он пригрозит мне тюрьмой или силой. Но в трубке повисла короткая тишина. Затем раздался его голос — низкий, бархатный, с хриплой властной нотой, от которой у меня по спине пробежала волна мурашек. — Включи громкую связь, — скомандовал эмир Тарик. Не мне. Офицеру. Офицер нажал кнопку. Голос правителя разнесся над пирсом, перекрывая шум порта: — Отныне каждое слово капитана Морозовой для вас — закон, равный моему слову. Кто посмеет преградить ей путь, ответит головой. Выполнять. Связь оборвалась. Я ошеломленно замерла. Вместо того чтобы сломать меня, усилить контроль или вступить в спор, он только что передал мне абсолютную, безоговорочную власть над своей элитной гвардией. Это был беспрецедентный уровень доверия, который выбивал землю из-под ног вернее любого удара. Офицер охраны вытянулся в струну, отдавая мне честь. — Виноват, капитан! — гаркнул он лающим голосом. Взмах руки — и броневики синхронно сдали назад, освобождая причал. Солдаты расступились, образуя живой коридор. Я получила полную свободу действий. Моя ярость утасла, сменившись странным, щемящим чувством в груди. Приказ запереть меня он

отменил сам. Хотел защитить? Тогда ему ещё предстояло научиться спрашивать меня, какая защита мне нужна. Я спустилась на асфальт, направляясь к выходу, но внезапно у ворот порта раздался гудок пневматического клаксона. В зону королевской стоянки въезжала огромная колонна тяжелогрузных фур. На бортах красовались логотипы лучших в мире производителей океанографического оборудования. Это была техника, о которой мой институт не мог даже мечтать последние десять лет. Эмир Тарик за одну ночь оплатил и распорядился выдать оборудование со складов поставщиков в эмирате. Я остановилась. Поездка в город отменялась. Моя команда должна была принимать этот драгоценный груз прямо сейчас. Таможенные декларации я передала офицеру: пусть отвезёт, раз уж так рвётся обеспечивать мою безопасность. Я велела Махмуду заглушить двигатели и восстановить швартовы. Офицер протянул карточку с номером: «Личная связь Его Высочества, капитан». Я сохранила номер в своём телефоне.

К полудню палуба «Атлантика» напоминала склад высоких технологий. Мы вскрывали ящики, вытаскивая блестящие детали гидролокаторов. Но радость была недолгой. Водитель главной фуры, нервно теребя накладную, подошел ко мне. — Капитан, у нас проблема, — он отвел глаза. — Главный модуль матрицы для глубоководного сонара задержан на таможне. Они говорят, эта электроника подпадает под военный экспорт. Без личной подписи министра портовой инфраструктуры аль-Аттаса они ее не пропустят. Я выругалась сквозь зубы. Бюрократия аль-Аттаса пыталась ставить палки в колеса даже при монаршем покровительстве. Оборудование пришло неполным, и без центрального модуля вся эта дорогущая аппаратура была просто грудой железа. — Неси то, что есть, в технический отсек, — приказала я главному инженеру. — Попробуем собрать и откалибровать систему на резервных контурах. Мы спустились в душный, пропахший канифолью отсек ниже ватерлинии. Инженеры разложили схемы, но уже через час стало ясно — мы в тупике. Уровня подготовки моих ребят не хватало для работы с новейшей матрицей. Инструкции отсутствовали. Я сама закатала рукава, сбросила рубашку, оставшись в майке, и полезла в переплетение кабелей, но разъемы сопротивлялись, а на экране контроллера горела лишь красная ошибка. — Капитан, мы так сожжем процессор, — простонал механик. Я вытерла тыльной стороной ладони пот со лба, размазав темную машинную смазку по щеке, готовая взвыть от бессилия. И в этот момент в отсеке стало тесно. Я обернулась. В дверном проеме стоял эмир Тарик. Он пришел один, в белой льняной рубашке, верхние пуговицы которой были расстегнуты. Проверял доставку груза лично и нашел меня в техническом отсеке, грязную, уставшую и злую. Я ждала, что он вызовет лучших инженеров эмирата или отчитает меня за задержку. Но он молча подошел к рабочему столу. — Вы подаете напряжение не на тот контур, капитан, — сказал он, указав на схему пальцем. Он закатал рукава своей тонкой рубашки до локтей. Его предплечья перекачивались тугими канатами мышц. Он взял у меня из рук пучок оптоволокну и тяжелый зажим. Я замерла в шоке. Политик, миллиардер, правитель государства, которого я знала по приказам и сделкам, отключил питание и быстрыми движениями принялся подключать резервную матрицу сонара. — Здесь отдельное питание предусилителя, — произнес он, сверившись со схемой. Его пальцы двигались с точностью хирурга. — Резервный модуль рассчитан на другое напряжение. Сначала согласуем питание, затем запустим самопроверку. Он ориентировался в новой плате быстрее наших инженеров. На мой вопрос ответил, что учился морской электронике прежде, чем занял трон. Моя челюсть слегка отвисла. Он сам читал схемы и работал инструментом. Я смотрела на него с уважением, которое никакими миллионами заслужить было бы невозможно. Отсек был крошечным. Нам приходилось стоять плечом к плечу, деля узкое пространство перед приборной панелью. От него исходил жар, запах дорогого парфюма смешивался с запахом нагретой канифоли. — Подайте мне торцевой ключ. Десятку, — попросил он. Я потянулась к инструменту и передала ему. В тесноте наши пальцы соприкоснулись. Это длилось долю секунды. Но сухой, обжигающий жар его кожи заставил меня замереть на вдохе. Дыхание перехватило, острая пульсация ударила в виски, по телу прокатилась волна магнетического оцепенения. Я резко

втянула воздух, дернувшись. Эмир замер. Он медленно поднял на меня глаза. Его зрачки были расширены так, что почти поглотили радужку. В этом взгляде была такая неприкрытая, первобытная жажда, что кислород в отсеке мгновенно закончился. Физическая тяга между нами была осязаемой, плотной, пульсирующей. Она игнорировала разницу в статусах, в происхождении, в принципах. Сглотнув, я первой разорвала зрительный контакт. Я резко отдернула руку и по его кивку щелкнула тумблером питания. Вентиляторы сонара тихо загудели. На черном экране вспыхнули идеальные, яркие зеленые графики. Калибровка прошла успешно. Система работала. Мы закончили. В отсеке повисла густая, оглушительная неловкость, пропитанная невысказанным магнетическим напряжением.

Рабочий день перетек в сумерки. Я сидела в кают-компании над картами, пытаюсь выбросить из головы его обжигающий взгляд, когда с палубы раздались крики. Я выбежала наружу. Возле трапа собралась толпа. Молодой матрос из машинного отделения, Халид, лежал на палубе, скорчившись в судорогах. Его лицо горело нездоровым багровым румянцем, зубы выбивали дробь. Я бросилась к нему, коснувшись лба. Он пылал. — Переохлаждение во время шторма, — крикнул боцман. — И, видимо, инфекция в ране на ноге. Капитан, он горит! Мы не собьем это аспирином! — Махмуд, вызывай городскую скорую! Срочно! Махмуд схватил рацию, настроившись на экстренный канал. Спустя пару минут разговора его лицо исказилось отчаянием. — Капитан, диспетчер отказывается! — крикнул старпом. — Они говорят, что не имеют права въезжать на территорию закрытого королевского порта без личного распоряжения из дворца! Бригада не поедет! Мои кулаки сжались. Бюрократия короны убивала моего матроса прямо на палубе. Халид начал бредить, его дыхание стало хриплым и прерывистым. Счет шел на минуты. Инфекция в крови в таких условиях сжигала людей молниеносно. У меня не было выбора. Моя гордость не стоила его жизни. Я вытащила свой телефон и дрожащими пальцами набрала номер эмира, полученный утром от офицера. Он ответил на первом гудке. — Что случилось? — его голос был собранным и острым. — Вы убиваете моих людей своей паранойей! — сорвалась я на крик. — У меня матрос в критическом состоянии, а ваша скорая боится приехать в этот чертов порт без вашего приказа! Помогите мне! Человек умирает! Это была моя первая просьба. Первое признание собственного бессилия. В трубке раздались короткие гудки. Он оборвал связь, не сказав ни единого слова. Я уставилась на телефон, чувствуя, как внутри всё обрывается. Неужели ему плевать на жизнь простого матроса? — Принесите воду и мокрые полотенца! Освободите место врачам! — я бросилась к Халиду, пытаюсь расстегнуть ему воротник. Я в третий раз взглянула на часы. Минутная стрелка ползла мучительно медленно. Ночное небо над портом внезапно вспыхнуло ослепительным светом. Десятки мощных прожекторов ударили с вышек, освещая огромную бетонную площадку возле судна. Гвардейцы внизу мгновенно оцепили периметр, разгоняя персонал. Я придержала голову Халида. Пусть это будут врачи. Пусть успеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.